

Цикл
Александра Харникова
**КАНЦЛЕР
МАЛЬТИЙСКОГО ОРДЕНА**

Вежливые люди императора
Северный сфинкс
К морю марш вперед!

Александр Харников

К МОРЮ МАРШ ВПЕРЕД!

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Х21

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 233

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Харников, Александр Петрович

Х21 Канцлер Мальтийского ордена: К морю марш вперед!: роман / Александр Харников. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2023. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-145501-9

Императора Павла I спасла от смерти группа спецназовцев ФСБ. Как она попала из века XXI в век XIX — неизвестно, но факт остается фактом — люди из будущего активно вмешались в ход исторических событий. Заговор, который в нашей истории закончился убийством царя, провалился. Британская эскадра под командованием адмирала Нельсона наголову разбита при Ревеле, а Первый консул Франции Наполеон Бонапарт подписал с Россией союзный договор, после чего объединенное русско-французское войско стало готовиться к походу в Индию.

Британия, понимая, что над ней нависла смертельная угроза, делает все, чтобы этот поход не состоялся. В ход идет все — покушение на членов императорской фамилии, подкуп, клевета. Но и противники Туманного Альбиона готовы противодействовать коварному врагу.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-145501-9

© Александр Харников, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*Автор благодарит за помощь и поддержку
Макса Д (он же Road Warrior)*

Пролог

***22 июля 1801 года. Ионийское море.
Залив Молос. Борт французского
40-пушечного фрегата «Жюстис».
Капитан 1-го ранга
Александр Андреевич Сорокин***

Удивительные судьбы порой выпадают кораблям. Фрегат, на котором я сейчас следую на Корфу, был спущен на воду в Бресте в 1793 году. Еще при постройке ему не повезло — он получил имя «Куражёс», хотя в составе французского флота уже был корабль под таким же именем. Только через год, когда неразбериха, вызванная известными политическими событиями во Франции, немного успокоилась, он из «Мужества» превратился в «Правосудие»¹. В конце 1797 года фрегат отличился — он захватил два британских капера и отвел их на остров Корфу. Да-да, именно на Корфу, куда мы сейчас держим курс.

Потом было участие «Жюстиса» в Египетской экспедиции Наполеона, когда он после проигранного французами сражения при Абукире сумел бежать и пришел на Мальту. Оттуда он добрался до Тулона, из которого совершил несколько успешных вылазок против британских кораблей, блокировавших

¹ «*Courageuse*» — по-французски «Мужественная», «*Justice*» — «Правосудие».

Мальту и Александрию. Но когда англичане надёжно заблокировали французские корабли на рейде Александрии, «Жюстис» вынужден был встать на якорь и ждать момента, чтобы попытаться прорваться во французские порты. И такой момент настал.

Правда, после короткого ночного боя те корабли, которым повезло прорвать блокаду британцев, как было ранее договорено, взяли курс на Корфу. Командир «Жюстиса» Жан де Вильнёв неплохо знал здешние воды.

— Мой друг, — сказал он мне, — мы, как когда-то спутники легендарного Одиссея, сейчас подходим к берегам Итаки. Вы сказали, что у берегов этого острова нас ожидает сюрприз. Что вы имели в виду?

— Мсье, — ответил я, — как я и обещал, сюрприз будет. Думаю, что довольно скоро. Прикажете своим наблюдателям внимательнее смотреть прямо по курсу.

Де Вильнёв с сомнением покачал головой, но все же подозревал своего старшего помощника и приказал усилить наблюдение. Я же раздвинул подзорную трубу и стал смотреть в сторону острова Атакос. На траверзе этого маленького и безлюдного острова и должен был поджидать меня мой фрегат. А, вот он! Я опустил подзорную трубу, протер окуляр и снова поднял ее.

Я не ошибся, навстречу «Жюстису» под всеми парусами шел мой «Святой Николай». На нем я штурмовал крепость в Бриндизи и вместе с отрядом капитана 2-го ранга Григория Белли брал Неаполь.

Отправляясь в Александрию, я велел своему старшему помощнику крейсировать у побережья Итаки, чтобы в случае необходимости оказать под-

держку французским кораблям, следующим после прорыва британской блокады на Корфу. Мой фрегат имел всего 48 пушек, но морские служители, обслуживающие орудия, были натренированы изрядно. Адмирал Ушаков не жалел денег, награждая артиллеристов за меткую и спорую стрельбу, в чем имели честь убедиться турки, французы и британцы. Если британские корабли нас настигнут, то они будут неприятно удивлены, получив из наших пушек увесистые «гостинцы».

Но, как мне кажется, сейчас они ловят прорвавшиеся корабли совсем в другом месте. Перед выходом из Александрии мы распустили слух, что французы намерены следовать в Бриндизи. Учитывая, что количество английских кораблей у Александрии значительно сократилось, в погоню за нами было отправлено гораздо меньше сил, чем мы ожидали. Так что, скорее всего, большинство кораблей, вырвавшихся из Александрии, не сегодня-завтра будут на Корфу.

— Вы меня не обманули, мой друг, — с улыбкой произнес де Вильнёв. — Я вижу, что нас уже встречают друзья.

Последнее слово он произнес с особой интонацией. Было видно, что некая подозрительность, которая до последнего времени звучала в его речах, исчезла.

— Мсье, — сказал я, — прошу обратить внимание — нам навстречу идет корабль, командиром которого являюсь я. Так что скоро я смогу пригласить вас в свою каюту и угостить хорошим хиосским вином.

— Замечательно! — воскликнул француз. — Тогда с меня дюжина розового. Я хранил это вино моей родины — Прованса — до особо торжественного случая. Думаю, что такой случай уже наступил.

Часть I

СБОРЫ БЫЛИ НЕДОЛГИ

3 (15) июня 1801 года. Кёнигсберг.

Королевский замок.

Генерал-майор

Игорь Викторович Михайлов

Мы блестяще выполнили свою миссию, несмотря на все преграды и опасности, подстерегавшие нас в пути. Проект договора о военном союзе между Российской империей и Французской республикой подписан. Вполне возможно, что в него с общего согласия позднее будут внесены некоторые изменения. Но это не суть важно. Мы узнали ближайшие планы Бонапарта, а он, в свою очередь, узнал наше отношение к его планам. Пока особых противоречий между нами не обнаружено. Тем не менее граф Ростопчин посоветовал мне не обольщаться.

— Игорь Викторович, мне хорошо знаком характер французов. Поверьте, народец сей весьма непостоянен в своих симпатиях и антипатиях... Не так давно они отправили на гильотину короля, потом тех, кто приговорил к смерти несчастного Людовика, причем во всех случаях толпа, наблюдавшая за казнями, аплодировала, когда голова казненного падала в корзину. И отсечению головы

Робеспьера они радовались так же непосредственно, как и казни короля и его супруги.

Мне осталось только согласиться с графом. Вспомнились и слова великого Суворова: «безбожные, ветреные и сумасбродные французишки». А ведь верно сказал Александр Васильевич. Только, пока у власти во Франции будет находиться Наполеон, его подданным не дадут особо порезвиться. Я сказал об этом Ростопчину, на что тот мне ответил: «Если чернь хоть раз почувствовала в своих руках власть, то ее потом будет очень трудно поставить на место. Сие, кстати, касаясь не только Франции».

— Федор Васильевич, в конце концов, меня порядок и спокойствие во Франции интересуют только лишь потому, что они могут сказаться на положении дел в нашем отечестве. А потому нам важно иметь в Париже правительство, которое будет дружественно нам. Мы можем пока с большей или меньшей уверенностью предполагать, чего хочет Бонапарт. А вот если на его место придет кто-то другой...

Ростопчин лишь пожал плечами. Видимо, и он, умный и проницательный политик, не мог даже предположить, кто во Франции сможет стать достойным преемником Наполеона. В конечном итоге мы с ним порешили, что в Париж вместе с Первым консулом отправятся майор Никитин и капитан Бутаев, которые станут нашими глазами в пестром политическом виварии — иначе политический бомонд Французской республики я не мог назвать.

Кстати, я хотел бы впоследствии усилить группу Никитина. Работы у него с напарником и так будет выше крыши. И чтобы они просто не надорвались от свалившихся на них забот, следовало бы при-

слать в помощь нашим ребятам еще пяток толковых людей. Кого персонально — я еще пока не решил. Вполне вероятно, среди них будет и Ганс, который так много сделал для нас в Ревеле и Кёнигсберге.

Вчера я откровенно поговорил с ним. Мне давно уже хотелось узнать, что он за птица, и почему он симпатизирует русским. Человеком он для нас оказался весьма полезным, да и в верности его мы не сомневались. Но Ганс казался «вещью в себе», и, не узнав о нем досконально все, трудно было доверять ему полностью.

И вот весьма неразговорчивый и сдержанный Ганс вчера неожиданно «расстегнулся» и рассказал кое-что о себе и о своей жизни. Как оказалось, он наполовину русский. Мать его, из местных немок, в годы Семилетней войны полюбила русского офицера, чья часть располагалась в Ревеле. Офицер сей был из довольно знатной семьи, а мать Ганса, как он признался, могла гордиться лишь своим благородным происхождением. В числе предков Ганса по материнской линии были крестоносцы, отправившиеся в дикую для них страну ливов и эстов, чтобы те познали учение Христово, ну и заодно стали покорными слугами своих немецких господ.

А вот богатством семья матушки Ганса похвастаться не могла. Отец Анхен был бедным чиновником и умер, когда девушке исполнилось всего семь лет. Мать вскоре последовала за ним, а сиротку из жалости взял в свою семью ее дядя по матери, обедневший дворянин, сам едва сводивший концы с концами.

С бравым русским поручиком Анхен познакомилась случайно. И влюбилась в него с первого взгляда. Да и будущему отцу Ганса тоже понра-

вилась скромная и симпатичная девица. В общем, молодые люди через какое-то время объяснились, и офицер сделал Анхен официальное предложение. Дело шло к свадьбе, но тут случилось непоправимое — корабль, на котором поручик отправился в Петербург, попал в шторм и погиб в Финском заливе со всем экипажем и пассажирами.

К тому времени Анхен была уже беременна. Ее дядя, поначалу благосклонно поглядывавший на богатого жениха племянницы, узнав о его смерти и беременности Анхен, рассердился и выгнал ее из дому. Но офицеры полка, в котором служил поручик, не остались безучастными к возлюбленной своего безвременно погибшего товарища. Они отправили письмо в Петербург родным поручика. В нем они рассказали о его невесте и о ребенке, который вот-вот должен был родиться.

Надо сказать, что родители поручика не были в восторге от сделанного им выбора. Они рассчитывали женить его на богатой невесте с хорошим приданым. Но, узнав о том, что он погиб и что у него должен появиться на свет ребенок, они решили поступить по-христиански и ежемесячно посылали деньги на содержание и воспитание внука.

Так что Анхен и ее сын первое время не бедствовали. Денег, получаемых от родственников трагически погибшего жениха, так и не ставшего ее официальным мужем, Анхен и ее сыну вполне хватало на жизнь. Как-то раз в Ревель приехал отец поручика — дедушка Ганса, пожелавший взглянуть на внука. Мальчик ему понравился, и он предложил Анхен и ее сыну отправиться вместе с ним в его имение. Там Ганс получит хорошее воспита-

ние, а когда подрастет, его определят в Сухопутный шляхетский корпус, окончив который, наследник русского офицера сам станет офицером. Но Анхен не хотела уезжать из родного Ревеля. Она лишь согласилась на то, чтобы Ганс, повзрослев, отправился к своим родным в Петербург.

Ревель — портовый город. Поэтому многие из местных мальчишек с детства мечтали стать моряками. Гансу очень нравились корабли и море. Но его мать была категорически против того, чтобы ее сын стал моряком.

— Море забрало твоего отца, и я не хочу, чтобы ты ушел в плавание и не вернулся назад, — заявила она.

Когда Гансу было уже пятнадцать лет и он, выучив русский язык, стал готовиться к отъезду в Петербург, Анхен неожиданно заболела и умерла. Парень, похоронив мать, нанялся юнгой на купеческий корабль, ходивший из Ревеля в Стокгольм и Копенгаген. Но шхуна, принадлежавшая ревельскому арматору, как оказалось, перевозила не только легальные грузы. На ней из Швеции и Дании в Россию попадала и контрабанда. Так Ганс стал контрабандистом. У него скоро появились приятели во многих балтийских портах.

А потом он познакомился с фон Радингом. В 1787 году надворный советник прибыл в Ревель из Астрахани, где командовал Астраханским портом. Помимо всего прочего, фон Радинг ведал на Каспии пограничными делами. А они, как известно, тесно связаны с внешней разведкой. Примерно тем же эстляндский вице-губернатор стал заниматься и в Ревеле. Для резидента в первую очередь

были необходимы агенты. И лучше контрабандистов их не найти. Ведь они имеют своих людей везде, а по роду занятий умеют хранить тайны.

Фон Радинг, поближе познакомившись с Гансом и оценив его ум и умение выполнять порученные ему задания, предложил Гансу стать агентом русской разведки. Тот, немного подумав, согласился. Вот так сын офицера и контрабандист стал самым надежным помощником.

Я с интересом выслушал исповедь Ганса и дружески похлопал его по плечу.

— Друг мой, мы тебе верим и будем рады принять в свою компанию. Мы можем обещать тебе за верную службу российскому трону богатство и титул — наш государь щедро жалует тех, кто не за страх, а за совесть служит ему. Ты ведь знаешь, что государь не сможет отказать, если мы замолвим за тебя словечко.

Увидев, что Ганс отрицательно покачал головой, я добавил:

— Пусть будет так, как ты пожелаешь. Но, как нам кажется, все, что ты уже сделал и еще сделаешь в будущем для России, должно быть соответствующим образом вознаграждено.

— Для меня дорого уже то, что вы считаете меня своим, — просто ответил Ганс. — Я ведь давно понял, что вы не совсем обычные люди. Поверьте, на своем веку мне довелось видеть многих. Вы на них совсем не похожи. Я пока не знаю, кто вы и откуда. Но думаю, что настанет время, и вы начнете полностью доверять мне и расскажете мне о себе и о вашей тайне. Я чувствую, что за вами стоит нечто, что даже трудно себе представить.

Вот такой вот разговор состоялся у меня с Гансом. Я окончательно решил отправить его в Париж, где он поможет майору Никитину разобраться в тамошних непростых делах. Во Франции у Ганса тоже были знакомые из числа местных контрабандистов.

Конечно, вполне вероятно, что многих из них уже нет в живых. Но кому-то наверняка удалось уцелеть. Так что, как говорилось в Святом Писании: «Ищите — и найдете, стучите — и вам откроют»¹. Будем искать...

3 (15) июня 1801 года.

Санкт-Петербург. Михайловский замок.

Василий Васильевич Патрикеев,

журналист и историк

Нет, моя чуйка меня не подвела! Не зря мы с Аракчеевым рыли землю, вычисляя нехороших людей в окружении императора Павла Петровича. Алексей Андреевич был человеком достаточно циничным и потому не стал возмущаться и махать руками, когда я порекомендовал ему еще раз тщательно прощупать связи попавшего в опалу великого князя Александра Павловича. Последний в данный момент, опасаясь батюшкиного гнева, отсиживался в Павловске. Большинство его прихлебателей предусмотрительно покинули своего покровителя, и вокруг Александра остались лишь наиболее приближенные к нему люди. Точнее, наиболее информированные.

В числе них оказался и отозванный Павлом из Сардинии князь Адам Чарторыйский. Поначалу

¹Евангелие от Матфея.

я подумал, что этот самый Адам крутится вокруг своей Евы — супруги великого князя Александра Павловича. Елизавета Алексеевна — в девичестве принцесса Луиза Баденская — давно уже состояла в интимных отношениях с польским ловеласом. В 1799 году она даже родила от него девочку, и все придворные императора вслух удивлялись — почему у светловолосых Александра и Елизаветы родился темноволосый ребенок. Статс-дама императрицы графиня Ливен на подобный вопрос Павла лишь многозначительно вознесла очи к небесам и глубокомысленно произнесла: «Государь, Бог всемогущ!» Но император счел, что в данном случае не стоит валить все на Господа нашего, и велел удалить князя Адама из Петербурга, отправив его в качестве дипломата в Сардинское королевство.

И вот князь Чарторыйский на днях вернулся оттуда. Причем не один, а еще с одной хорошо известной в нашей истории личностью — корсиканцем Шарлем-Андре Поццо ди Борго. А известен человек сей был тем, что с некоторых пор он стал личным врагом своего земляка и дальнего родственника Наполеоне Буонапарте. До этого они даже дружили, но потом, во времена Французской революции, крепко поссорились и стали кровными врагами. А для корсиканцев кровная вражда — это на всю жизнь. Слово «вендетта» — отнюдь не русское и не немецкое.

В нашей истории Поццо ди Борго по ходатайству Адама Чарторыйского был принят императором Александром I на российскую дипломатическую службу. И сделал все, чтобы развязать войну с Наполеоном. Словом, тот еще кадр.